

А.П. Бороодовский (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск, Россия) отметил некоторые направления интеграции археологического наследия Горного Алтая в туристическую деятельность. Среди таких мероприятий – тур “Алтайская одиссея”, в рамках которого туристы посещают Телецкое озеро, долины Чулышмана и Чуи. *Ш. Гасимов* (Баку, Азербайджан) сообщил о состоянии памятников в округе Лачин, где расположены средневековые крепости и мавзолеи. В докладе *А.Е. Меруш* (Турция) сообщалось о развитии археотуризма в Евразии. Были приведены сведения о неолитических, античных и средневековых памятниках в Анатолии. *Г. Джабиев* (Баку, Азербайджан) рассказал об изучении средневековых городов Азербайджана. В ходе их раскопок были выявлены архитектурные сооружения и обнаружены различные предметы, преимущественно керамика. *Д. Гияси* (Баку, Азербайджан) рассказал о мечети Джума Шемахи в Ширване, привел исторические свидетельства и рисунки. Эта мечеть была разрушена землетрясением в 1902 г. и затем реставрирована. *Э. Зливинская* (ИЭА РАН, Москва, Россия) выступила с докладом об архитектуре мечетей городов Золотой Орды. *А. Габелиа* (Ин-т истории, Сухум, Абхазия) рассказал об эпитафическом памятнике из Севастополя, на котором сохранилась надпись на греческом языке в честь человека, снарядившего военный корабль.

В. Бжания (Ин-т истории, Сухум, Абхазия) предложил гипотезу о значении термина “Чач”, от которого, по его мнению, происходит абхазская фамилия Чачба. Выступление *М. Рихтим* (Кавказский ун-т, Турция) содержало сведения о суфийских дервишах в Азербайджане. *А. Ухри* (Докуз Ейли ун-т, Измир, Турция) высказал предположение, согласно которому одним из критериев доместикации лошади могут быть находки семян овса в культурном слое древних археологических памятников. В качестве доказательства он привел изображение головы лошади с уздой из памятника Чомаклы 1-го тыс. до н.э., обнаруженное в ходе раскопок. Эти утверждения вызвали ряд замечаний российских археологов. *А.О. Пронин* (НГУ, Новосибирск, Россия) рассказал об особенностях конструкции маньчжурского палаша, найденного в Южной Сибири. *К. Ибраимзаде* (Стамбул, Турция) исследовал процесс распространения “тюркского стиля” в архитектуре в России в XVIII в. *Н. Григорьева* (ИИМК РАН, СПб., Россия) представила результаты раскопок в Старой Ладоге, где были найдены жилища, характерные для средневековой Скандинавии. *И.Ю. Кочкина* (НГУ, Новосибирск, Россия) сообщила о взаимосвязи песенных традиций и декоративно-прикладного искусства русского населения в Степном Алтае.

В целом тематический, территориальный и хронологический охват докладов, заслушанных на конференции, оказался достаточно широким, от Южной Европы до Дальнего Востока и от неолита до этнографической современности. Однако значительная часть выступлений была ориентирована на обсуждение проблем сохранения археологического наследия и распространение научных знаний об историческом прошлом древних и средневековых народов Евразии. Конгрессу сопутствовала насыщенная культурная программа. Участники научного форума осмотрели музеи в г. Агсу и Шемахи, законсервированные археологические памятники, ознакомились с традиционными промыслами, сохранившимися в культуре жителей этих районов Азербайджана. IV Международный конгресс по археологии Евразии стал заметным событием в научной жизни.

РЕРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

© 2913

Е. В. ТЮЛИНА

26–28 ноября 2012 г. в Институте востоковедения РАН состоялись Рериховские чтения на тему “Текст и проблемы истории и теории культуры в древности и средневековье (Индия, Центральная Азия, Сибирь)”, посвященные 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного востоковеда Юрия Николаевича Рериха (1902–1960). Открывая чтения, зав. Отделом древнего Востока *В.П. Андросов* (ИВ РАН) напомнил, что проходящие Рериховские чтения – юбилейные вдвойне, так как не только связаны с круглой датой со дня рождения Ю.Н. Рериха, но и сами являются пятидесятью по счету. *В.В. Вертоградова* (ИВ РАН) выступила с презентацией сборника “Индия – Тибет: текст и феномены культуры”, вышедшего к юбилею Ю.Н. Рериха. Включенные в него статьи охватывают географически и тематически ареал исследовательских интересов Ю.Н. Рериха, выходят при этом на широкий круг новейшей проблематики: в них феномены древней и средневековой культуры рассматриваются с ориентацией на современные подходы к понятию “текст”.

В.А. Росов (Гос. музей искусства народов Востока, Москва) также выступил с презентацией юбилейных изданий, подготовленных совместно Институтом востоковедения РАН и Музеем искусства народов Востока. Первая из них – сборник “Юрий Рерих: живое наследие” (2012), куда включены научные статьи и интервью отечественных востоковедов, в том числе Т.Я. Елизаренковой, А.М. Пятигорского, К.Н. Яцковской и др. Другая книга – второй том сочинений Ю.Н. Рериха “Тибет и Центральная Азия” (2012) – содержит неизвестные статьи и очерки ученого, дающие представление о культурном прошлом народов Тибета, Монголии и Китая, уникальные дневники двух экспедиций – Тибетской (1927–1928) и Маньчжурской (1934–1935), отчеты о его работе в Институте востоковедения (1957–1959).

И.Н. Комарова (Ин-т языкознания РАН) в докладе “Ю.Н. Рерих – выдающийся лингвист-тибетолог” отметила, что ученый внес крупнейший вклад в изучение тибетского языка, его фонетики, грамматики, лексикографии и диалектологии. Особое внимание он уделял исследованию лхасского диалекта, основному в современном тибетском языке. Он вел сравнительное исследование тибетского языка и санскрита, изучал историю и религиозную мысль Тибета. Его уникальный одиннадцатитомный “Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями” (М., 1983–1993) докладчица назвала научным подвигом. Это один из немногих словарей, семантическое поле которого основано на глубоком понимании национальных особенностей мышления и языкового поведения носителей тибетского языка.

В докладе “Намтар (Житие) Будды Шакьямуни в тибетской и китайской (пекинской) традициях (танки из коллекций Одесского и Киевского музеев Украины)” *Е.Д. Огнева* (Ин-т востоковедения, Киев) рассказала о трех танках из собраний музеев Украины (Музей искусств им. Богдана и Варвары Ханенко, 484 ЖВ, Киев, и Музей западного и восточного искусства, № ВИ-242, ВИ-243, Одесса). Они были сопоставлены с литературными источниками, что позволило установить их принадлежность к разным иконографическим циклам. Сюжеты одной танки (Киев) и надпись на лицевой стороне (“После пребывания [во время] летнего поста на Траястримше [Шакьямуни] спустился в Дзамбулинг”) позволяют отнести ее к циклу “Аштамахапратихарь”. Но, несмотря на установленные эпизоды и приведенную надпись, вопрос о принадлежности танки к этому иконографическому циклу докладчица оставила открытым. По ее мнению, танка скорее всего имеет отношение к циклу пятнадцати чудес, явленных Буддой Шакьямуни, которые описаны в “Сутре о мудрости и глупости”. Две другие танки представляют сюжеты “Двенадцати деяний Будды Шакьямуни” (Одесса), восходящих к тибетской литературной традиции Жития Будды Шакьямуни.

Доклад *В.В. Деменовой* (Уральский федеральный ун-т, Екатеринбург) «Летописный текст и феномен “изображение” в буддийской традиции Тибета» был посвящен “Синей летописи” – одному из наиболее известных сочинений по истории буддизма в Тибете Гой-лоцавы Шонну-пэла (1392–1481). Этот памятник был переведен Ю.Н. Рерихом на английский язык и издан в Калькутте в 1949 г., а в 2001 г. на русский язык его перевели О.В. Альбедиль и Е.Ю. Харькова. Кроме основных сведений о развитии различных школ буддизма в Тибете и подробных описаний жизни буддийских учителей книга содержит уникальные исторические подробности быта и взаимоотношений внутри тибетского общества и буддийской сангхи, в том числе разбросанные по всему тексту упоминания о появлении, создании и бытовании буддийских изображений (скульптуры и танки). В докладе рассматривался феномен “изображение” в буддийской традиции и интерпретировались сведения, касающиеся жизни художников, легендарных историй появления скульптур, феномена “самопоявления”, умения статуй перемещаться в пространстве и т.д., зафиксированные на страницах летописи.

С.Ф. Мажитов (Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахстан) в докладе «Актуализация информативной основы средневекового текста Центральной Азии в современном мире (на примере “Тарих-и Рашиди” Мирзы Хайдара Дуглата)» отметил, что Ю.Н. Рерих относился к источникам древности и средневековья как к некоей матрице, содержащей информацию о том, что будет происходить в настоящем и будущем. Докладчик отметил, что внимательное прочтение “Тарих-и Рашиди” (XVI в.), позволяет говорить об его геополитическом значении для современного мира. В “Тарих-и Рашиди” содержится множество сведений об особенностях сухопутного пути в Индию. На важность этого источника докладчик обратил внимание во время реализации программы “Север–Юг”, согласно которой прорабатываются безопасные транспортные маршруты из Индии в Казахстан. В связи с этим особо ценными являются топонимические сведения и описания конкретных местностей.

Для понимания современной Центральной Азии актуальны разделы, связанные с описанием религиозной ситуации.

В.В. Вертоградова (ИВ РАН) в докладе “*Śāradīḥ pūrah: ранневедийский текст и ритуал*” на основе исследования этимологии вед. *śarad* (в сопоставлении с авест. *sarəd* “зимнее солнцестояние”, “год”, согд. *srd* “год”, арм. *nava-sard* “новый год” и др.), а также на основе изучения ряда контекстов “Ригведы” реконструировала ритуал ежегодного ведийского праздника зимнего солнцестояния, охватывавший не только коллективные действия установления временного цикла, но и домашние обряды побития демонов.

С.В. Кулланда (ИВ РАН) в докладе “К этимологии ведийского *Sarāmā*” рассмотрел ведийское имя собаки богов Сарамы и собаки Силам (*Silæm/Selæn*) осетинского нартского эпоса. Соответствие древнеиндийского *s* и иранского *s* нерегулярно (оно возможно только в том случае, если за сибилантом следовал глайд, чего в данном случае не наблюдается), в то же время слова явно связаны (в осетинском *l < ri/y*), что позволяет предполагать заимствование. По мнению докладчика, источником заимствования могла послужить аваро-андийская форма *sori “лиса” – аварское *ser*, андийское *sor*, ахвахское *šari*, тиндинское *sari* и пр.

С.С. Тавастиевна (СПб.ГУ) в докладе “Традиционный индийский комментарий как источник по изучению синтаксиса древнеиндийских языков” отметил, что индийская лингвистическая традиция, зародившаяся еще в I-м тыс. до н.э., сыграла ключевую роль в изучении древнеиндийских языков. Современных исследователей всегда поражала интуиция древнеиндийских лингвистов в описании фонетики или морфологии. По мнению докладчика, очевидным является и то, что индийские грамматисты уделяли мало внимания синтаксическим исследованиям. В частности, в традиции даже не был выработан термин, который бы соотносился с понятием синтаксиса. Данная ситуация имела последствия и для современной санскритологии, которая развивалась под существенным влиянием индийской лингвистики. Все без исключения современные санскритские грамматики посвящены в целом фонетике и морфологии. Нельзя сказать, что в традиционных грамматиках отсутствует синтаксическая проблематика. Достаточно хорошо в грамматических трудах (начиная с Панини) описан падежный синтаксис, синтаксис неличных форм, однако этого недостаточно. Исключительную роль в восполнении “синтаксического” пробела, на взгляд докладчика, сыграла в Индии лексикографическая традиция. В такие известные словари, как “Амаракоча”, обязательно включались разделы “частиц” с описанием их семантики, а комментарии на эти разделы фактически становились вполне самостоятельными трактатами по синтаксису различных типов предложений (простых и сложных) и идиоматике с соответствующими примерами из литературы. Подобные же “трактаты” можно найти и в палийской комментаторской литературе.

М.С. Фомин (Ун-т Ольстера, Сев. Ирландия) в докладе “Изображение Индии в ирландских источниках” на примере ирландских письменных памятников каролингского средневековья (Дикуйл, *De mensura orbis terrae*) и переводов с европейских языков литературы эпохи Реформации (*The Book of John Maundeville*) рассмотрел, как представлялась картина мира и каково было в ней место Индии. Он показал, как формировались представления об Индии на основе сведений, имевшихся у классических историографов, таких как Страбон, Плиний Старший, Диодор Сицилийский и др. Особое внимание было уделено роли Индии в концепции поселения племени гэлов в Ирландии, сложившейся на основе представлений об Индии и Ирландии как смежных территориях, расположенных на границе обитаемого христианского мира.

В докладе *В.Г. Лысенко* (Ин-т философии РАН) «Непосредственное восприятие через слово. По “Веданта-парибхаше” Дхармараджи» объяснялись причины, в силу которых восприятие, оформленное в концептуально-вербальную форму и поэтому во всех других школах индийской философии считающееся опосредованным знанием – *савикальпака* (*savikalpakajñāna*), в данном тексте причисляется к категории непосредственного – *нирвикальпака* (*nirvikalpakajñāna*). Было показано, что это положение вписывается в определенную философию языка, развиваемую адвайтистской школой виварана. Позиция данной школы состоит в том, что из слов (прежде всего шрути – для адвайты это *махавакья* (*mahāvākya*) – великие речения упанишад) можно получить знание высшей реальности, т.е. Брахмана, и оно является непосредственным (*aparokṣa*). Докладчица показала сходство данной разновидности восприятия и концепции узнавания (*пратья-бхиджня*) Бхартрихари и кашмирского шиваизма.

Ю.М. Алиханова (ИСАА МГУ) исследовала классификацию драматических героев “Натяшастры”, в соответствии с которой описывались типы героев, различавшихся по социальному рангу (боги, цари, полководцы, министры, купцы и брахманы). Как показала докладчица,

определялись соответствующие типы не по их внутренним качествам, а по предписываемым им формам сценического поведения.

В докладе “О тамильском поэтическом жанре *каламбахам*” А. М. Дубянский (ИСАА МГУ) рассказал об этой форме антологии (букв. “смесь”), распространенной в средние века в Южной Индии. Она содержит отдельные стихотворения, посвященные какому-либо царю, но чаще всего богу. Эти стихотворения, к которым вполне применим санскритский термин “муктака” (малоформатный законченный текст), по большей части представляют собой вычлененные из классической поэзии ситуации героико-панегирических или любовных тем, приспособленные к восхвалению главного героя антологии. Несмотря на их жанровую пестроту, они композиционно сочлняются путем разного рода лексических связок и перекличек. Докладчик показал, что в целом жанр *каламбахам* возникает как некий синтез тамильской поэтической традиции (в том числе гимнов бхакти) и техники, присущей поэзии на санскрите. В докладе были приведены примеры из наиболее ранней антологии “Нанди каламбахам” (IX в.), посвященной паллавному царю Нандиварману III.

Доклад С. О. Цветковой (СПб.ГУ) “Песенная техника проповеди Миры Баи: подступы к исследованию” был посвящен песенной поэзии Миры Баи (1499–1547), известной последовательницы и проповедницы бхакти кришнаитского толка, созданной для исполнения под различные *раги* “О тамильском поэтическом жанре *каламбахам*” и впитавшей в себя многие фольклорные элементы. Техника поэтической исповеди и проповеди поэтессы поддается анализу, основанному на методологических разработках отечественных и зарубежных стиховедов. Исследовалось одно стихотворение-проповедь, в котором выявляется четкая структура, а также чередование “блоков” полустихий, связанных синтаксическим и лексическим параллелизмом и занимающих одинаковое положение в стихе. В результате проведенного анализа была установлена ритмико-синтаксическая модель построения стиха данной песни, задающая семантические акценты, определяющая интонационное движение во фразе. Семантика стихотворения получает усиление и особую выразительность, которым способствуют не только параллелизм и повторы на всех уровнях текста, но и в значительной степени – выдержанный ритм его частей и подчеркнутая интонация.

В докладе Э. Н. Комарова (ИВ РАН) «Бог и человек в поэзии Тагора. От “Иша-упанишады” до “Писем о России”» рассматривались религиозные воззрения Рабиндраната Тагора, а также его любовная лирика, в которой зачастую проявлялся своеобразный вселенский подход поэта. Было показано, как писатель переосмысливал древнее представление о всеобъемлющей божественной сущности (Атман или Брахман), вводя собственные понятия *джибондебота* (Божество жизнь, или Бог Жизнь), а в дальнейшем *манушдебота* (Божество человек, или Человек Бог). По мнению докладчика, Тагор не только следовал индийскому религиозному универсализму, восходящему к древности, восприняв проповедь равенства людей перед богом у средневековых религиозных реформаторов (в Индии движения *бхакти*), но и шел дальше, утверждая равенство человека и бога как творцов и работников. В докладе он привел образцы поэзии Тагора в переводах видных российских поэтов.

К. П. Шрестха (ИВ РАН) в докладе “Сакральная защита пространства долины” отметил, что долина Катманду, известная как Непальская, воспринимается и буддистами, и индуистами как воплощение сакрального символа. Буддисты считают, что долина Катманду со святыми горами с четырех сторон и буддийской ступой Сваямбху в центре символизирует “дхарма-чакру” – “колесо закона”. Последователи индуизма воспринимают долину Катманду как образ *мандалы*. Во всех направлениях сторон света они воздвигают храмы, в честь основных божеств, в восьми углах долины располагают святыни, посвященные восьми божествам-хранителям и восьми богиням-матерям. Докладчик подчеркнул значение традиций в Непале – древнеиндийской *вастувидьи* (науки о строительстве), согласно которой не только храмы крепости, дворцы, селение, город, но и жилые дома сооружались так, чтобы защитить их от влияния нежелательных сверхъестественных сил. Интересна в этом отношении структура построения традиционных непальских городов. Например, Катманду имеет форму меча (*кхадга*), Бхактапур – форму раковины (*шанкха*) или лотоса с восемью лепестками (*аштанпада-камал*), а Лалитпур – форму круга (*чакра*) и т.д. Эти геометрические формы являются символами атрибутов индуистских и буддийских божеств. Докладчик рассказал о том, как сформировались эти традиции и как они сохраняются в современном Непале.

Е. В. Тюлина (ИВ РАН) в докладе «Сакральная “геология” в системе знаний *вастувидьи* (науки о строительстве и зодчестве) в пуранах» рассказала об исследовании некоторых мало-

изученных текстов из средневековых индийских трактатов по вастувидье (IV–IX вв.), посвященных классификациям камней. Ее внимание привлекли прежде всего сведения о том, что камни, имеющие определенные цвета и свойства, воспринимались как живые существа мужского или женского пола. По ее мнению, подобное отношение к камням является отголоском древнейших верований, связанных с почитанием камней и земли. Это подтверждает и существование специальных обрядов, которые скульпторы или строители совершали, чтобы нейтрализовать некую изначально находящуюся в камне сущность, если ее влияние не соответствовало их намерениям. Особое внимание в докладе было уделено группе камней, так называемым *шалаграмам*. Такие камни не использовались в строительстве, они считались проявлениями и изображениями различных форм бога Вишну и имели своеобразную “иконографию”. По мнению докладчицы, включение классификаций камней-шалаграм в тексты вастувидьи является одним из примеров того, что в Индии природа и природные формы оказались включенными в теорию изобразительного искусства и строительства.

Доклад *Н.А. Корнеевой* (Москва) “*Снатака* в древнеиндийском ритуале и тексте” был посвящен одному из непонятных и противоречивых персонажей в санскритской дхармической литературе – *снатаке* – ученику, совершившему обряд окончания ученичества *самавартана*. На протяжении истории место и значение *снатаки* и обряда *самавартаны* в текстах менялось. Состояние *снатаки* являлось переходным между *ашрамами* ученика и домохозяина, однако обряд *самавартана* не всегда был связан с системой *ашрам* и разделяющими их обрядами, а в настоящее время почти совсем исчез. В докладе было показано, что обряд *самавартана* и непосредственно связанный с ним обряд приема почетного гостя – *атутхи* имеют очень древние корни. При их описании и предписаниях для *снатаки* встречаются архаичные элементы ритуала, которые в процессе передачи текстов постепенно исчезают.

Д.Н. Лелюхин (ИВ РАН) в докладе “О формульности индийских дарственных надписей” отметил, что информация надписей не может интерпретироваться без должного источниковедческого комплексного анализа всего дошедшего до нашего времени корпуса текстов той или иной династии (или ряда династий) с учетом их формульной структуры. Тексты земельных дарений не являются актами, юридическими документами. Они создавались в рамках единой текстовой санскритской традиции и имеют ряд особенностей, характерных для иных санскритских текстов. По мнению докладчика, попытки буквального и некритического использования отдельных свидетельств надписей, вырываемых из общего контекста, и их модернизация являются ошибочными.

В докладе *Н.В. Александровой* (ИВ РАН) “Мотив *saṅkrama* в буддийском нарративе и изображении” рассматривался один из основных мотивов раннебуддийской традиции – мотив “хождения Будды”. Изобразительный материал большой ступы в Санчи сопоставлялся с сюжетами буддийской литературы: это в первую очередь “чудо в Шравастии” и “встреча Будды с отцом в Капилавасту”, а также “хождение у дерева бодхи” и “семь шагов после рождения”. Сравнение этих сюжетов выявляет устойчивую связь мотива “хождения” с идеей проповеди, что объединяет его с другими мотивами предания о Будде, имеющими такой же смысл (“вращение колеса”, “обращение иноверцев” и др.). Встраивание изображения с мотивом “хождения” в последовательность иных сюжетов, присутствующих на *стамбах* (опорах) ворот ступы в Санчи, основано на дублировании смысла “проповедь” и составляет с ними закономерные ряды.

Д.И. Жутаев (ИВ РАН) в докладе “Элементы игровой поэтики в махаянском описании ступеней бодхисаттвы в текстах Большой Праджняпарамиты” коснулся некоторых аспектов структуры текста этого пассажа, в относительно неизменном виде повторяющегося в “больших” сутрах развитой пражняпарамитской литературы (“Шатасахасрика”, “Панчавиншатисахасрика” и др.). По мнению докладчика, ряд этих структурных моментов – таких, как специфический подбор терминов в списках-*матриках*, особенности композиции, намеренная терминологическая неоднозначность, обусловлен риторическими стратегиями составителей текста, когда компоненты предшествующей раннебуддийской и собственно махаянской текстовых традиций ставятся в неожиданные, “иронические” контексты, “обыгрываются” с целью легитимации и возвеличения нового учения – махаяны, ее нового религиозного идеала – бодхисаттвы-махасаттвы, а также делегитимации и принижения “хинаянского” пути и его последователей.

Доклад *А.А. Мехакяна* (Ереван) «Символизм десяти воплощений Вишну во внутренней “Калачакра-тантре”» был посвящен “Калачакра-тантре” – одному из уникальных памятников буддизма. Она появилась позднее других буддийских тантр и представляет собой синтез всех трех колесниц Дхармы, вбирая в себя много элементов из небуддийских, гетеродоксальных

групп. Она отличается большим синкретизмом, в ее мандале можно встретить божества, равным образом почитаемые буддистами, индуистами и джайнами. Индуистские мифологемы и религиозно-философские категории занимают значительное место в этой тантре, но трактуются символически. В докладе было показано, как воспринимаются в этом памятнике десять воплощений Вишну и какова их символика.

А.К. Васильев (МГУ) в докладе “У истоков Праджняпарамиты (стихотворное ядро традиции)” исследовал текст “Арья-Праджняпарамита-Ратнагуна-Самчаягатхы” (“Строфы о собрании драгоценных качеств благородной Праджняпарамиты”), дошедший до нас на буддийском гибридном санскрите, а также в тибетском и китайском переводах. Автор доклада пришел к выводу о том, что первые две главы можно рассматривать как близкие к первоначальному ядру данной традиции. Их содержание заключается в призывах отказаться от устоявшегося понятийного аппарата буддизма и искать интуитивное знание (*праджню*) за пределами концепций и представлений.

В докладе “Сновидение в древнеиндийских философских текстах” *Е.С. Юдицкая* (МГУ) выделила ряд существенных аспектов функционирования понятия “сновидение” в древнеиндийских философских сочинениях. Сновидение она исследовала в рамках всестороннего анализа ошибочного восприятия (*khyāti-vada*). Она также рассказала о символическом содержании сновидений и показала, каким образом в философских спорах апелляция к содержательной специфике сновидений могла служить аргументом против признания иллюзорной природы сновидений. Она предложила взглянуть на сновидение как на паремию, так как часто в трактатах сновидение предстает как стилистическая фигура: жизнь в оковах страданий – аналогия сна, пробуждение ото сна – освобождение.

В докладе «Еще раз о субъекте: «Ишварапратьябхиджня-вимаршини» Абхинавагупты» *С.Ч. Офертас* (ИВ РАН) на основе прочтения комментариев Абхинавагупты “Ишварапратьябхиджня-вртти-вимаршини” и “Ишварапратьябхиджня-виврити-вимаршини” к карикам Утпаладевы “Ишварапратьябхиджня-карика” изложил способы опровержения этими философами соперничающих брахманских и буддийских воззрений по поводу существования сознающего субъекта и внешнего субъекту мира. Так, показав, как наличие способности вспоминать становится основным аргументом в опровержении представлений о мгновенных событиях сознания при отсутствии единого субъекта, докладчик описал представляемые Абхинавагуптой поочередно модели сознания внешнего мира: модель зеркала, модель сновидения и модель “творений йогина”. В итоге он пришел к выводу о существовании окончательной модели, при которой в рассмотрении бытия субъекта сознание оказывается ненужным элементом и сознания просто нет.

В основе доклада *Е.Г. Вырицкова* (ИВ РАН) “Представления об Арьяварте в санскритских источниках в исторической перспективе” лежало разграничение самого термина *Арьяварта* и связанных с ним представлений. В результате сравнительного анализа данных представлений и сопутствующих им терминов (на материале ранних сутр, Брихадараньяка-упанишады, Манусмрити, с отсылкой к средневековым параллелям) докладчик получил следующую картину. Существовали три представления: 1) наилучшее место жительства наилучших людей (“арьев”), 2) конгломерат территорий, различных по своим свойствам в зависимости от свойств людей, их населяющих, 3) территория-мандала, четыре грани которой – Восточное море, Западное море, Гималаи на севере, горы Виндхья на юге. Докладчик обратил внимание, что Ману-смрити соединяет все три представления в единый комплекс, хотя в остальных памятниках они существуют раздельно и Арьявартой большей частью не называются. Он подчеркнул существование проблемы разрыва между комплексом представлений и связанным с ними набором терминов.

В.М. Яковлев (Москва) в докладе “12-летний животный цикл. К вопросу об истоках” отметил, что судить о 12-летнем животном цикле в культуре того или иного народа (там, где он был отмечен или до сих пор существует, и о том, когда этот цикл появился), можно с известной долей определенности по датам, свидетельствующим о его употреблении. Наиболее авторитетными из них являются свидетельства китайских летописей и тюркских эпитафий. Доказательства наличия 12-летнего животного цикла в Китае в виде изображений этих животных удастся проследить лишь начиная от последних лет правления династии Северная Вэй (386–534) либо от середины правления династии Лян (502–557). Поскольку эти свидетельства, а также упоминания о характерном для тюрков животном цикле в китайских письменных документах относятся к более раннему времени, чем датировки тюркских надписей или переводов внешних источников, остается сомнение относительно места появления цикла. Его заимствование из Китая или через Китай

весьма проблематично. Заимствование от тюрков (прототюрков) или сюнну представляется более вероятным, особенно с учетом сохранности этой традиции у дунайских болгар.

Е. С. Лепехова (ИВ РАН) в докладе «Теория преемственности Дхармы в доктрине “сангоку маппо” в японском буддизме» затронула проблему эсхатологии и теории преемственности Дхармы в японском буддизме периодов Хэйан и Камакура (1185–1333). Суть эсхатологической доктрины “маппо” заключалась в представлении о том, что после ухода Будды Шакиямуни Дхарма и буддийский мир пребывали в состоянии упадка. В японском буддизме термин “маппо” часто был связан с концепцией “трех стран” (“сангоку”), в которую включались Индия – родина Будды Шакиямуни, Китай – страна, где буддизм обрел свой расцвет, и Япония, где распространение буддизма совпало с периодом “конца Закона” (“маппо”). Однако в буддийских трактатах эпохи Хэйан и Камакура, прежде всего в сочинениях выдающихся буддийских монахов Сайте, Дзекэя и Эйdzона, наряду с описаниями Японии как периферии буддийского мира появляются утверждения, что именно в Японии произойдет возрождение буддизма благодаря учению “Лотосовой сутры”. Япония стала рассматриваться уже не как страна периода упадка буддизма, но как страна его возрождения, где должен явиться будущий наследник Шакиямуни и спаситель мира Бодхисаттва Манджушри.

В докладе “Смех в традиции древнеиндийского театра (по материалам Натяшастры)” Н. Р. Лидова (ИМЛИ РАН) рассмотрела охарактеризованную в “Натяшастре” смеховую эмоцию (*хасья-расу*). Представляя достаточно редкий образец рефлексии на данную тему самих носителей традиции, этот трактат содержит своего рода теорию смеха, в соответствии с которой в нем выделяются две основные разновидности (когда человек смеется сам и смешит другого) и шесть иерархически упорядоченных видов, от сдержанной, чуть отстраненной улыбки до безудержного хохота. Эти шесть видов, в свою очередь, распределяются между персонажами высшего, среднего и низшего типа, которые не столько смеются на самом деле, сколько искусно имитируют смех, вследствие чего *хасья-раса* оказывается изобразительной и подчиняется условным законам сцены. В докладе были проанализированы различные аспекты древнеиндийского смеха – от общедоступного и развлекательного до ритуального.

С. И. Рыжакова (Ин-т этнологии и антропологии РАН) “Танцовщица и покровитель: *начни* и *расик* восточных областей Индии. Контексты взаимоотношений” выявила некоторые этнографические особенности традиций взаимоотношений между *начни* (женщинами-танцовщицами, выступающими на праздниках, ярмарках и иногда на других собраниях) и *расик* (мужчинами, их покровителями). Докладчица рассказала о межкастовых и межэтнических связях (большинство *начни* принадлежат к низким социальным группам, часто – к разным группам этнической общности *бхумидже*, расселенной преимущественно на территории современного Джаркханда, в то время как *расик* может происходить даже из брахманских семей), а также о гендерной, профессиональной, социальной и ритуальной взаимосвязанности *начни* и *расик*, одновременно выступающими как танцовщица и музыкант; ученица и учитель; любовница и любовник; исполняющая *сеvu* (служение) и покровительствующий ей; содержанка и содержатель; служанка, исполняющая работу, и тот, кто пользуется этими плодами. Доклад был сделан на основе данных полевого исследования автора в январе–феврале 2012 г. в Западной Бенгалии.

Доклад В. В. Тишина (ИВ РАН) “К проблеме возрастных категорий у древних тюрков VI–X вв.” был посвящен малоизученному вопросу, касающемуся возрастной стратификации кочевнических обществ. Докладчик пришел к выводу о существовании возрастной стратификации мужской части населения древнетюркского общества. Ему удалось выявить, по крайней мере, две возрастные категории, *oyul* и *er*, отраженные в таком явлении, как присвоение имени (юношеского и мужского). В зависимости от возраста и социального статуса тюрк мог иметь и другие имена и титулы. Были проведены параллели с возрастной стратификацией у других кочевников, дан анализ соответствующих названий и терминов.

Ю. И. Дробышев (ИВ РАН) в докладе “Природопользование в тангутском государстве Си Ся” отметил, что тангуты – потомки дансянских племен, обитавших на северо-западных границах Китая и создавших в 982 г. свое государство, которое в китайских источниках фигурирует под именем Западного Ся, или Си Ся. В 1227 г. оно было уничтожено Чингисханом. Географическое положение государства позволяет относить его к центральноазиатскому историко-культурному региону, однако особенности его культуры указывают на сильнейшее влияние дальневосточной культурной общности, тяготеющей к Китаю. Докладчик поставил перед собой вопросы: какие модели природопользования существовали в Си Ся и какая из них доминировала? Исследуя сохранившиеся материалы, он сделал вывод: во-первых, тангутское природопользование эво-

люционировало с развитием тангутского общества. В итоге тангуты пришли к комплексному использованию природных ресурсов. Во-вторых, нельзя относить их хозяйство целиком к центральноазиатской или восточноазиатской модели. Оно было смешанным, как результат приспособления к разнообразным природным условиям.

По традиции, в заключительном заседании чтений прозвучали доклады, посвященные жизни и деятельности Ю.Н. Рериха и членов его семьи. *А.Н. Хохлов* (ИВ РАН) в докладе “Рерихи в Пекине 1934–1935 гг.” на основе материалов, найденных им в разных архивах, рассказал о личных и письменных контактах Н.К. и Ю.Н. Рерихов с представителями китайской интеллигенции, в том числе с участниками будущей экспедиции во Внутреннюю Монголию. Особое внимание в докладе было уделено российским эмигрантам. Одним из них был журналист-ориенталист А.П. Фридендер, которого китайский суд на основе ложной информации отправил на несколько лет в пекинскую тюрьму.

А.М. Шустова (ЦИИ ИВ РАН) в докладе “Ю. Рерих о роли буддизма в культурном единстве Азии” показала, что Ю.Н. Рерих, анализируя данные по общей истории Центральной Азии, прослеживал определенное единство в ее развитии. Такое единство он видел в географической, исторической, этнологической, экономической области, а также в сфере языков. Однако приоритетным он считал культурное единство, ключевую роль в котором он отводил буддизму. Именно на почве буддизма возникли многие синтетические культурные направления, такие как греко-бактрийское (Афганистан), ирано-буддийское (Северный Афганистан, Таджикистан, бассейн Тарима), индо-ирано-буддийское (Хорезм), индийско-китайское (Северо-Западный и Северный Китай) и уже позже – индийско-тибетское (Тибет), тибето-монгольское (Монголия). Отмечая вклад буддизма в развитие культурного единства Азии, Ю.Н. Рерих перед востоковедением ставил задачу всестороннего изучения наследия Будды.

Доклады, которые прозвучали на чтениях, относятся к разным отраслям знания: филологии, лингвистике, истории, искусствоведению, источниковедению и исследованию архивов. Однако их объединяет то, что все они так или иначе связаны с культурной и научной деятельностью Ю.Н. Рериха. Они не только продолжают те направления исследований, в которых он выступил в качестве первопроходца, но предлагают новые проблемы и новые подходы к изучению культур и истории регионов Востока, находившихся в поле его интересов.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

© 2013

В. Г. БУРОВ

В ноябре 1972 г. в Тайбэе (Тайвань) была создана “Международная Ассоциация содействия китайскому языку” (“Шицзэ хуавэнь цзяоюй сецзин хуэй”), которая в июле 1997 г. приобрела свое нынешнее название “Международная Ассоциация китайского языка” (“Шицзэ хуаюйвэнь цзяоюй сехуэй”, по-англ.: World Chinese Language Association). Ассоциация является общественной организацией, не получающей постоянных финансовых средств от каких-либо правительственных учреждений, она обращается к ним лишь в случае проведения крупных научных мероприятий, например международных конференций.

К настоящему времени Ассоциация провела 10 международных конференций, посвященных преподаванию китайского языка. Первая состоялась в 1984 г., вторая – в 1988 г., последующие конференции проходили один раз в три года, а последняя, десятая, состоялась в 2011 г. Конференции организуются, как правило, в конце декабря.

Конференции являются серьезной научной площадкой для обмена мнениями ученых и практиков из различных стран мира по актуальным проблемам преподавания и изучения китайского языка и культуры. В их работе принимают участие от 200 до 400 человек из различных университетов США, Канады, Англии, Франции, Германии, Польши, а также преподаватели китайского языка средних школ из стран, где имеется большая китайская диаспора – США, Индонезии, Таиланда, Малайзии и др. Конечно, серьезно представлены преподаватели и ученые из самого Тайваня. В последние десять лет после установления культурных и образовательных связей между “двумя сторонами Тайваньского пролива” (так в обиходной речи называются материковый Китай и Тайвань) в конференциях стали принимать участие представители матери-